

Масштабных исследований, посвященных поиску оптимальной схемы лечения АГ на фоне патологии печени, не было, но некоторые данные получены отдельными коллективами авторов.

Н.Ф. Шусталь и соавт. (Харьковская медицинская академия последипломного образования) в 2003 г. показали, насколько могут отличаться два ИАПФ в плане безопасности лечения АГ при сопутствующем вирусном поражении печени. Сравнивали клиническую эффективность и безопасность лизиноприла (Диротон) и эналаприла у 156 больных с мягкой и умеренной АГ на фоне вирусного гепатита различной этиологии (В и С) умеренной или низкой активности. Больные были в возрасте от 30 до 65 лет, длительность АГ — от 3 до 15 лет, длительность вирусного гепатита — 1–12 лет. Влияние антигипертензивных препаратов на функциональное состояние печени оценивали, определяя сывороточные фракции печеночных ферментов, а также показатели углеводно-липидного обмена. Дополнительно изучали печеночный кровоток методом реографии. Установлено, что Диротон не только обеспечивал более эффективный контроль АГ, но и продемонстрировал лучшую переносимость. Более того, применение Диротона способствовало улучшению печеночно-портального кровотока, что положительно отражалось на функциональном состоянии печени и течении гепатита. В то же время эналаприл вызывал повышение уровня аланин- и аспартатаминотрансферазы, гипербилирубинемии и ухудшение самочувствия, что послужило причиной отмены препарата у 20% больных [4].

Таким образом, лизиноприл — хорошо изученный, перспективный антигипертензивный препарат, обладающий всеми преимуществами класса ИАПФ, а ряд особенно благоприятных свойств делает возможным его широкое применение у пациентов различных категорий, в том числе больных молодого и среднего возраста.

Список литературы см. на сайте www.rusvrach.ru

ARTERIAL HYPERTENSION CONTROL BY LISINAPRIL AT YOUNG AND MIDDLE AGES

V. Volkov, Candidate of Medical Sciences

Russian Medical Academy of Postgraduate Education

Angiotensin-converting enzyme inhibitors are able to control blood pressure levels in arterial hypertension (AH) and to prevent the development of cardiovascular events and a damage to target organs. Lisinopril has a number of advantages over other antihypertensive drugs in the treatment of AH patients of not only old age groups, but also young and middle age ones.

Key words: arterial hypertension, angiotensin-converting enzyme inhibitors, lisinopril, young and middle ages.

АНТИОНКОЛОГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ПРЕПАРАТОВ КАЛЬЦИЯ И ВИТАМИНА D₃ С ПОЗИЦИЙ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ

О. Громова^{1,2}, доктор медицинских наук, профессор, И. Торшин^{1,3}, кандидат химических наук, Т. Гришина², доктор медицинских наук, С. Решетников¹, кандидат фармацевтических наук, К. Рудаков^{1,3}, член-корреспондент РАН,

¹Российский сотрудничающий центр Института микроэлементов ЮНЕСКО, Москва, ²Ивановская государственная медицинская академия, ³Лаборатория системной и вычислительной биологии Вычислительного центра им. А.А. Дородницына РАН, Москва
E-mail: unesco.gromova@gmail.com

Препараты кальция и витамина D традиционно используются для лечения остеопороза и компенсации недостаточного поступления с пищей кальция и витамина D, особенно при низкой инсоляции. Нормальная обеспеченность кальцием снижает риск онкологических заболеваний. Авторами сформулирована обобщенная физиологическая модель влияния витамина D и кальция на возникновение, течение и исход онкологических заболеваний; проводится сравнение с данными доказательной медицины.

Ключевые слова: кальций, витамин D, онкология, системная биология.

Минералы и витамины поступают с пищей и необходимы для поддержания в организме нормального гомеостаза. Каждый из микронутриентов оказывает свое уникальное физиологическое воздействие через специфические молекулярные механизмы. Например, без кальция практически невозможна активизация каскада кальпаинов, вызывающих апоптоз [36]. Апоптоз (программированная клеточная смерть) важен для элиминации опухолевых клеток. Витамин D также вызывает смерть раковых клеток, что связано с иммуномодулирующей активностью рецептора витамина D [7]. Защитный эффект витамина D в отношении рака следует из его роли как транскрипционного фактора, который регулирует рост клеток, дифференцировку, апоптоз и другие клеточные механизмы, вовлеченные в развитие опухолей [14]. Однако антионкологические эффекты кальция проявляются только при адекватной обеспеченности организма витамином D [24] который, таким образом, является одним из главных посредников кальциевого метаболизма.

Жирорастворимые витамины группы D сначала преобразуются в активную форму посредством биотрансформаций, а затем взаимодействуют со специфическими рецепторами (рис. 1). Основные процессы биотрансформации витамина D происходят в коже, печени и почках. В коже под действием ультрафиолетового (УФ) облучения образуется витамин D₃. В печени витамин D₃, гидроксيليруясь, превращается в 25-оксихолекальциферол — 25(OH)D₃ при посредстве 25-гидроксилазы. При нормальном функционировании почек 25(OH)D₃ в них трансформируется в 1,25-дихидроксиолекальциферол — 1,25(OH)₂D₃ — наиболее активную

форму витамина. Эта активная форма витамина переносится в кровяном русле витамин-D-связывающим белком (VDBP). Биологическое воздействие активной формы витамина осуществляется через связывание с рецептором витамина D (VDR). Подобно эстроген-рецепторам, VDR является фактором транскрипции, который, в частности, регулирует экспрессию белков, вовлеченных в гомеостаз кальция и фосфора.

Данные фундаментальных исследований по клеточной биологии онкозащитного действия кальция и витамина D₃ подтверждаются многочисленными данными доказательной медицины. Так, дотации витамина D (1100 МЕ/сут) в осенне-весенний период [18] привели к 60% сокращению заболеваемости раком (все виды рака). Заболеваемость раком поджелудочной железы в выборке из более чем 120 тыс. человек сократилась на 43% [39]. Т.е. на практике эффективная онкопротективная дозировка витамина D достигается при суммарном поступлении витамина D с пищей и в дозе не менее 800 МЕ/сут в виде специальных препаратов (например, Кальций-D₃ Никомед форте содержит 800 МЕ витамина D в 2 таблетках) и регулярных прогулках на свежем воздухе в светлое время суток. Именно при таком подходе достигнуты впечатляющие сравнительные результаты на популяционном уровне. Недавнее популяционное исследование, включившее не менее 4 млн человек в 13 странах, продемонстрировало весьма значительные отличия в заболеваемости раком в «более солнечных» и «менее солнечных» странах [42]. При этом в России только у 3% женщин старше 45 лет отмечены нормальные показатели витамина D при определении гидроксивитамина D в плазме крови [8].

Взаимосвязь между приемом витамина D и уменьшением риска онкологических заболеваний многоступенчата и включает ряд дополнительных факторов, которые могут повлиять на терапевтическую эффективность препаратов на основе витамина D. Так, существует по крайней мере 6 стадий (см. рис. 1), опосредующих влияние витамина D на транскрипцию генов. На каждой из этих стадий действуют определенные факторы (суммарный уровень УФ-облучения пациента; уровни экспрессии генов гидроксилаз; наличие веществ, ингибирующих гидроксилазы; метаболическая активность печени и почек; полиморфизмы генов гидроксилаз, транспортного белка и рецептора и т.д.), которые влияют на выраженность терапевтического эффекта при приеме витамина D. Например, при заболеваниях почек (метаболическая нефропатия, редкие наследственные аномалии обмена витамина D и др.) применение эргокальциферола и даже холекальциферола может быть не столь эффективно, в связи с чем требуется назначение активированных форм витамина D₃ — таких, как, например, альфакальцидол (Этальфа и др). В то же время для широкомасштабной профилактики альфакальцидол не всегда

подходит, поскольку, во-первых, его дозу необходимо титровать (подбирать индивидуально); во-вторых, пациентов, получающих препарат Этальфа, нужно контролировать на наличие гиперкальциемии. В-третьих, в ряде случаев онкозащитный эффект развивается при сочетании назначения и витамина D, и солей кальция.

Пренебрежение этими и другими физиологическими факторами при проведении исследований в стиле доказательной медицины приводит к появлению так называемых негативных результатов (таких, как исследование в рамках Women's Health Initiative [43, 45]).

Антионкологические эффекты кальция во многом зависят от описанных выше механизмов, опосредующих действие витамина D. При адекватных уровнях витамина D указанные эффекты кальция проявляются через воздействие его ионов на активацию и размножение иммунных клеток типа естественных киллеров, а также на процессы апоптоза [35]. В обоих случаях кальций является важным медиатором сигнальных путей [34] как митогенеза, так и апоптоза [12]. Эти сигнальные пути достаточно сложны, вовлекают множество белков-посредников и действуют через систему кальмодулина: кальций поступает внутрь клетки через кальциевые каналы и опосредует внутриклеточные сигналы через кальциневрин, кальмодулин и кальмодулин-зависимые киназы, которые в конечном счете воздействуют на транскрипцию и экспрессию генов.

Другим вероятным молекулярным механизмом антионкологического воздействия кальция является его влияние на систему кальпаинов. Кальпаины (гены CAPN1, CAPN2 и т.д. — около 20 генов в геноме человека) являются внутриклеточными цистеиновыми протеазами, активируемыми под действием Ca²⁺. Кальпаины вовлечены во многие физиологические процессы (передача сигнала, клеточная пролиферация и дифференцировка, апоптоз), играют центральную роль в инициировании и поддержании цепи биохимических событий, приводящих к апоптозу [33], вызывают превращение p35 (активатор циклинзависимой

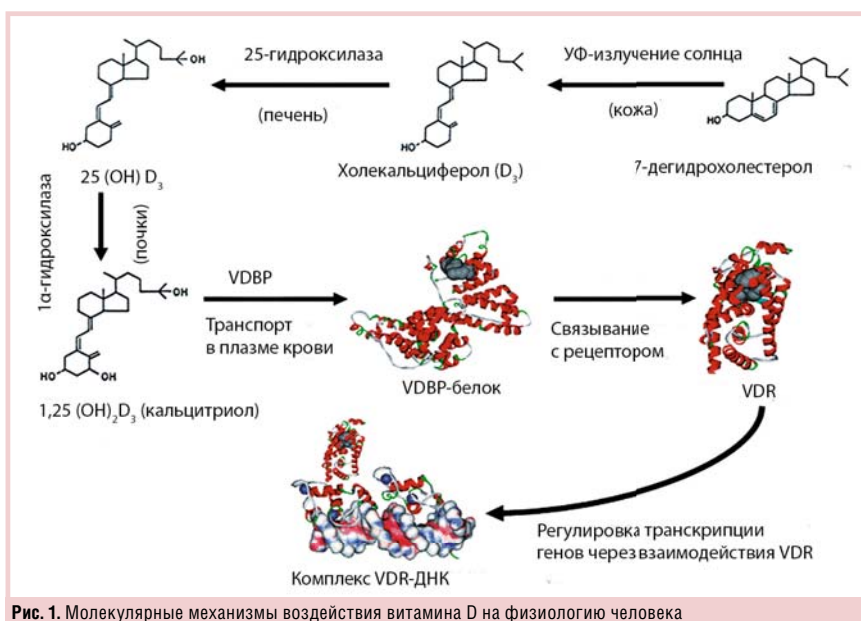

Рис. 1. Молекулярные механизмы воздействия витамина D на физиологию человека

киназы 5) в p25. При нормальной физиологии кальпаины отсутствуют в несвязанной форме, однако при высвобождении их из лизосом происходит протеолитическое укорочение p35 в p25 (рис. 2), что вызывает (при участии τ -белка) гиперфосфорилирование компонентов цитоскелета. Финалом этих событий становятся внутриклеточная агрегация белков и демонтаж нейрона в результате апоптоза.

Для проведения обоснованных исследований доказательной медицины необходим прежде всего тщательный анализ физиологии исследуемой проблемы. При такого рода многофакторном анализе удается избежать редуционизма вследствие систематического рассмотрения уровней биологической функции [40]. Адекватная физиологическая модель заболевания или терапевтического действия определенных веществ служит залогом успеха при исследовании выборок населения или пациентов. Нами сформулирована обобщенная физиологическая модель антионкологического влияния кальция и витамина D и проведено сравнение построенной нами качественной модели с данными доказательной медицины и генетической эпидемиологии.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ВИТАМИНА D С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

На основе систематического анализа уровней биологической функции мы сформулировали качественную модель взаимосвязи между риском онкологических заболеваний и витамином D (рис. 3), который является определяющим фактором метаболизма кальция. Данная диаграмма включает основные молекулярные механизмы воздействия витамина D (см. рис. 1), хотя не отражает, например, полиморфизмы в генах гидроксилаз, которые потенциально также могут влиять на биотрансформации витамина D и, следовательно, на биодоступность его активных форм.

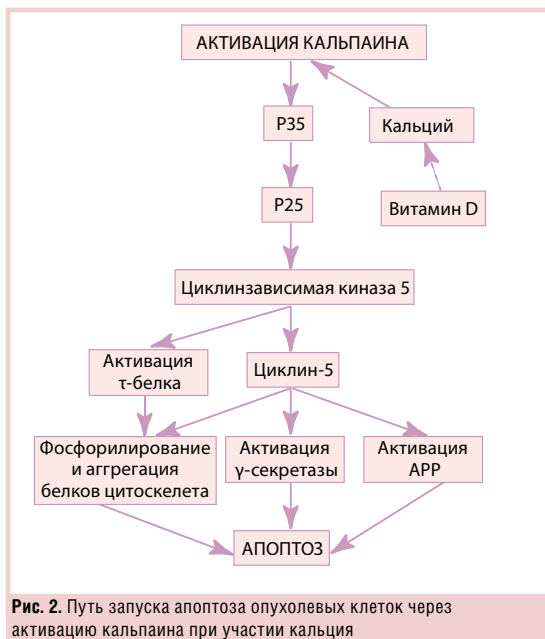
В сформулированной нами модели известные антионкологические эффекты витамина D (уменьшение риска возникновения заболевания, его интенсивности, а также онкологической смертности) объединены. Модель не ог-

раничена также какой-либо конкретной разновидностью рака. Возможность подобных обобщений связана с тем, что практически любой антионкологический эффект витамина D обусловлен иммуномодулирующим и антипролиферативным воздействием активированного VDR. Последний экспрессируется во многих клетках иммунной системы – моноцитах, макрофагах, Т-лимфоцитах, В-лимфоцитах. Активация транскрипции посредством VDR в этих и других типах клеток обеспечивает антипролиферативный, пролиферативный и иммуномодулирующий эффекты [27]. VDR индуцирует регулирующие Т-клетки, а также воздействует на секрецию цитокинов [50]. Агонисты VDR также увеличивают активность Т-киллеров и макрофагов. Сигнал от VDR достигает NF- κ B-транскрипционного фактора, регулирующего дифференцировку и рост клеток [22]. Так как рецепторы витамина D представлены практически во всех тканях тела, общий механизм антионкологического воздействия витамина одинаков для всех тканей, однако степень активации упомянутых процессов VDR зависит от ряда дополнительных факторов.

СРАВНЕНИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ С ДАННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ

Большинство исследований по компенсации дефицита кальция и витамина D₃, как в Европе, так и в России приведены с использованием препарата Кальций-D₃ Никомед. Длительность клинических наблюдений по эффективности и безопасности этого препарата составляет 20 лет! Поэтому, несмотря на появление генериков, биоэквивалентных по химическому и дозовому составу, генериков у препарата Кальций-D₃ Никомед по терапевтической биоэквивалентности по-прежнему нет. Как показывают приведенные выше данные фундаментальной медицины, лидирующее значение в реализации противоопухолевых эффектов в этой синергидной комбинации принадлежит витамину D.

Данные фундаментальной медицины подтверждаются доказательной медициной. Как свидетельствуют многочис-

ленные клинические исследования [4, 5, 26, 46], включая систематические анализы из [47, 48], физиологические дозы кальция способствуют снижению онкологического риска. В то же время доказательная медицина показывает, что кальций является протективным фактором, эффективность которого зависит от уровня витамина D₃ [25]. Именно синергизм кальция и адекватной дозы витамина D₃ (400–800 МЕ) обеспечивает реализацию антионкологического эффекта при использовании комбинированных препаратов (например, Кальций-D₃ Никомед), особенно у проживающих в географических регионах с низкой инсоляцией. Витамин D при этом выступает как определяющий фактор антионкологических эффектов кальция.

Как видно из рис. 3, иммуномодулирующие эффекты витамина D опосредуются рядом дополнительных факторов, которые определяют прежде всего уровень витамина D в плазме крови, а также степень активации VDR. Учет этих факторов принципиален для адекватного планирования исследований по терапевтическим эффектам витамина D и для получения достоверных положительных результатов.

Рассмотрим каждый из факторов, приводя при этом результаты исследований доказательной медицины; критерии отбора соответствующих исследований описаны I. Torshin [40]. Исследования были выполнены в основном на популяционных выборках европеоидов. Отметим, что большинство работ ограничивалось учетом лишь нескольких факторов и их взаимодействий. В то же время совокупные результаты исследований подтверждают практически все зависимости и соотношения, отображенные в сформулированной нами физиологической модели.

Витамин D синтезируется под воздействием УФ-лучей и, следовательно, суммарная доза облучения солнцем влияет на уровень витамина D. Существуют значительные различия в заболеваемости раком в странах с разной инсоляцией [42] и в зависимости от сезонных колебаний содержания кальцитриола в плазме крови вследствие недостаточной инсоляции. Максимальный уровень витамина D₃ в сыворотке крови отмечается с июля по сентябрь, в зимний период он снижается на 20–120%. Эти колебания коррелируют с ростом заболеваемости раком легкого в зимний период [32]. Есть данные о зимнем росте заболеваемости [21] также раком толстой кишки, предстательной и молочной железы, частоты лимфомы Ходжкина.

В осенне-летний период умеренный дефицит витамина D [25(OH)D₃ <20 нг/мл] наблюдается лишь у 13% обследованных, возрастающая в зимне-весенний период до 36% [20], что может быть связано с повышением в этот период риска развития рака предстательной железы. Умеренная инсоляция приводит к повышению уровня 25(OH)D до 50 нг/мл и уменьшению на 80% риска рака молочной железы [8] и предстательной железы [16]. Необходимая и достаточная естественная инсоляция в определенном возрасте может иметь принципиальное значение в заболеваемости. Так, в возрасте 10–19 лет она приводит к значительному снижению риска рака молочной железы: относительный риск (OR) = 0,65; 95% доверительный интервал (ДИ) – 0,50–0,85; p=0,0006. Данный возрастной период соответствует интенсивному росту и развитию организма [17]; терапия рака молочной железы в этом возрасте затруднена высоким темпом деления клеток, харак-

КАЛЬЦИЙ-D₃ НИКОМЕД

Предупреждает дефицит кальция
и лечит его последствия

- Стандарт качества из Норвегии
- Оптимальный комплекс кальция с витамином D₃ в каждой жевательной таблетке
- Кальций-D₃ Никомед форте – при высоком риске остеопороза

ООО «Никомед Дистрибушн Сентэ»: 119049, ул. Шаболовка, 10, корп. 2,
тел: (495) 933 5511, факс: (495) 502 1625,
www.nicomed.ru, www.calciumd3.ru, www.osteoporosis.ru
Рег. уд. П № 013478/01 от 29.12.2006, П № 013355/01 от 29.12.2006

О ПРИМЕНЕНИИ И ПРОТИВОПОКАЗАНИЯХ ЧИТАЙТЕ В ИНСТРУКЦИИ

терным для этого периода, быстрыми ростом опухоли и метастазированием.

Поступление витамина D с пищей и(или) препаратами – не менее важный его источник, чем инсоляция. К значительно снижению риска рака молочной железы приводят регулярное употребление в пищу продуктов, богатых витамином D (печень трески, молоко) [17], а также увеличение потребления витамина D с <2 до >5 мкг/сут у пациенток в пременопаузальном периоде (ОР=0,50; 95% ДИ – 0,26–0,96) [1]. Показано также уменьшение риска рецидива колоректальной аденомы [13, 37]. **Чем выше уровень употребления витамина D, тем в большей степени уменьшается онкологический риск.** Так, риск рака поджелудочной железы оказался наиболее высоким при низком потреблении (<150 МЕ/сут) и прогрессивно снижался с увеличением дозы витамина D [39]: при 150–299 МЕ/сут – до ОР=0,78, 95% ДИ 0,59–1,0, а при >300 МЕ/сут – почти в 2 раза (ОР=0,57; 95% ДИ – 0,40–0,83).

Витамин D, поступающий с пищей, лекарственными препаратами или синтезированный под воздействием УФ-облучения, приводит к **повышению в плазме крови уровня биологически активных форм витамина** – 25(ОН)₂D₃ и 1,25(ОН)₂D₃. Общепринятым методом мониторинга метаболизма витамина D считается определение концентрации 1,25(ОН)₂D₃ в плазме крови (<12,5 нмоль – выраженный дефицит, >150 нмоль – гипервитаминоз) [44]. Большинство исследований по доказательной медицине ориентированы именно на установление корреляций между уровнями активных форм витамина D в плазме крови и риском различных онкологических заболеваний. Более высокие уровни 25(ОН)₂D₃ соответствуют сокращению онкологической смертности (ОР=0,52; 95% ДИ – 0,29–0,94 [28]), снижению риска рака груди (ОР=0,61; 95% ДИ – 0,40–0,92 [21, 15]), уменьшению на 40–70% риска колоректального рака [11, 29, 49], а также его более тяжелых форм и рецидивов [23, 30]. Как показывают результаты этих и других исследований, снижение риска является дозозависимым: увеличение уровня 25(ОН)₂D₃ на 10 нг/мл соответствовало сокращению риска на 25% [31]; заболеваемость раком груди уменьшалась (ОР – с 0,57 до 0,31) при увеличении уровня 25(ОН)₂D₃ с 30 до 75 нмоль [2].

Величина физиологического эффекта, производимого активными формами витамина D, зависит от **генетических факторов**, и прежде всего – от функциональных полиморфизмов генов VDR и VDBP (транспортный белок витамина D). Генотип Gc2-2 гена VDBP соответствовал уменьшению риска рака груди (ОР=0,72; 95% ДИ – 0,54–0,96) у пациенток в менопаузе [3], наряду с генотипом BB полиморфизма BsmI гена VDR [41]. Генотип Tt полиморфизма VDR-TaqI соответствовал уменьшенному риску (ОР=0,70; 95% ДИ 0,54–0,90) кожной меланомы [19], а менее функциональный генотип ff полиморфизма VDR FokI был ассоциирован с увеличением риска рака простаты и, в частности, более агрессивных форм заболевания [20]. Полиморфизмы в гене VDR взаимодействуют с другими факторами: например, с семейной историей рака груди [38] или с инсоляцией [16]. Генотипы, характеризующиеся более высокой активностью рецептора (такие, как FokI FF/Ff, TaqI tt, BglII BB) соответствовали понижению риска рака предстательной железы при высокой инсоляции [16].

Уровни эстрогенов также могут влиять на взаимосвязь обеспеченности кальцием, витамином D₃ и риском онколо-

гических заболеваний. Взаимодействие между уровнями эстрогенов (которые значительно повышены при регулярном приеме эстрогенсодержащих препаратов) и витамином D осуществляется, во всей видимости, на уровне внутриклеточных сигнальных путей. Экспрессия функциональной формы рецептора витамина D зависит от ERK1/2 фосфорилирования, вызываемого активацией эстроген-рецепторов [9, 10]. В нескольких исследованиях доказательной медицины указано на взаимосвязь между эффективностью терапии витамином D и приемом эстрогенсодержащих препаратов. Так, зависимость между увеличением уровней 25(ОН)D плазмы крови с уменьшением риска рака груди была выражена намного ярче (p<0,0001) у пациенток, никогда не проходивших курс гормональной терапии [2]. Более того, в одном из исследований [6] указано, что у пациенток, находящихся на гормональной терапии, применение витамина D может увеличить риск колоректального рака, в то время как у пациенток, не использующих эстрогены, он уменьшается при употреблении не менее 400 МЕ витамина D₃ (ОР=0,7; 95% ДИ – 0,5–1,1).

ДНК-связывающие домены рецепторов витамина D и эстрогенов содержат атомы цинка, необходимые для активации транскрипции. В то же время функционирование ряда киназ внутриклеточных сигнальных путей, вовлеченных в регулирование пролиферации и апоптоза (таких, как MAPкиназы, MAPKкиназы, MAPKKкиназы и др.), зависит в значительной степени от концентрации внутриклеточного магния.

Представленная физиологическая модель взаимосвязи между кальцием, витамином D и онкологическим риском основана на систематическом анализе молекулярной и клеточной физиологии человека. Взаимодействия между генетическими факторами и факторами окружающей среды, описываемые данной моделью, подтверждаются данными доказательной медицины. Каждый из этих факторов, включенных в модель, может значительно влиять на терапевтическую эффективность витамина D и, следовательно, кальция. В частности, практически не исследованы взаимодействие активных форм витамина D₃ с уровнем микрозомных, функциональным состоянием печени и почек, полиморфизмами гена белка-переносчика VDBP, а также влияние этих факторов на риск онкологических заболеваний. Таким образом, суммируя факты, известные из фундаментальных и прикладных клинических исследований, можно говорить о новой перспективе исследований по доказательной медицине – эффективной сезонной антионкологической терапии препаратами на основе кальция и витамина D₃.

Список литературы см. на сайте: www.rusvrach.ru

THE ANTICANCER EFFECT OF CALCIUM AND VITAMIN D₃ PREPARATIONS IN THE CONTEXT OF EVIDENCE-BASED MEDICINE

Professor O. Gromova, MD^{1,2}; I. Torshin, Candidate of Chemical Sciences^{1,3}; T. Grishina, MD²; S. Peshetnikov, Candidate of Pharmaceutical Sciences¹; K. Rudakov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences^{1,3}

¹Russian Satellite Center of Trace Element – Institute for UNESCO, Moscow; ²Ivanovo State Medical Academy; ³Laboratory of Systems and Computer Biology, A.A. Dorodnitsin Computer Center, Russian Academy of Sciences, Moscow

Calcium and vitamin D preparations are traditionally used to treat osteoporosis and to compensate for insufficient dietary calcium and vitamin D intake in low insolation in particular. Normal provision of calcium reduces the risk of cancer diseases. The authors formulate a generalized physiological model of the effects of vitamin D and calcium on the occurrence, course, and outcome of cancer diseases and compare this with the data of evidence-based medicine.

Key words: calcium, vitamin D, oncology, systems biology.